Андрей Макаров

ФРАГМАР

ВРАТА РАЗЛОМА

Андрей Макаров

Фрагмар. Врата разлома. Том 1

«Автор»

2026

Макаров А.

Фрагмар. Врата разлома. Том 1 / А. Макаров — «Автор», 2026

Тебе пятнадцать. Тебя выгоняют из единственного дома, который ты знал.В дороге на обоз нападают огромные Гархи верхом на боевых умтарах. Им не нужны добыча и пленники. Они убивают всех.Кейдан должен был погибнуть вместе с остальными. Друг даёт ему шанс вырваться, а верный конь возвращается за ним и уносит от преследователей.И это только начало.Фрагмар никого не щадит. Здесь смерть настоящая, за ошибки платят кровью, а магия так же реальна, как сталь и страх.

© Макаров А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог 5
Интерлюдия 9
Глава 1. Сын горы 11
Интерлюдия 17
Глава 2. Дорога вниз 19
Интерлюдия 26
Глава 3. Пустошь 28
Конец ознакомительного фрагмента. 29

Фрагмар. Врата разлома. Том 1

Пролог

Деревня пряталась в узкой долине между двумя пологими склонами, куда почти не добирался ветер. Серые каменные дома были крыты дёрном, из труб ровно поднимался дым, возле колодца сохли на верёвке рубахи. По улице бродили козы, из открытого сарая доносился стук топора, и всё утро шло своим чередом, пока на дороге не показались четыре всадника.

Никто не бросился запирать двери. Люди просто один за другим оставляли свои дела и уходили в дома; топор в сарае умолк, коз отогнали за плетень, а приоткрытая ставня закрылась прежде, чем всадники добрались до первых дворов.

Тирэн ехал впереди, свободно держа поводья. Трое Знающих следовали за ним, растянувшись по узкой дороге. С рассвета они шли по свежему следу раненой женщины с младенцем. Дальше след уходил между домами и терялся у околицы.

Они проехали по единственной улице, миновали колодец и остановились у дома старосты. Дверь открыл сутулый седой хозяин с длинными руками. Увидев всадников, он побледнел, торопливо вытер ладони о рубаху и поклонился. Тирэн смотрел на него с седла, пока старик не выпрямился.

— Куда ушла раненая эльфийка с ребёнком?

Староста опустил взгляд. За его спиной, в глубине дома, звякнула посуда и сразу стало тихо.

— Господин, клянусь, я никого не видел.

Тирэн спешился и остановился в двух шагах от него, заложив руки за спину. Он молчал, и только шестой палец едва заметно шевельнулся.

Староста сперва замер, потом захрипел и схватился за горло. Грудь судорожно дёрнулась, но вдохнуть он не смог. Старик осел на колени, сорвал завязку у ворота и стал царапать шею, пока лицо медленно наливалось синевой. Тирэн наблюдал за ним всё с тем же спокойствием, а когда староста упал грудью на камни, немного ослабил хватку руны.

Воздух ворвался в лёгкие со свистом. Староста закашлялся, прижался лбом к земле и ещё несколько раз попытался вдохнуть, прежде чем сумел заговорить.

— Наверх… к старой тропе… через перевал, — просипел он. — Она попросила воды. Больше ничего, господин.

Тирэн поднялся в седло, и всадники тем же неторопливым шагом двинулись дальше, а староста всё ещё стоял на коленях перед своим домом и дышал открытым ртом.

За деревней дорога пошла вверх. Тропа становилась круче, и вскоре лошади уже с трудом пробирались среди камней. Ветер здесь почти не чувствовался. Только из долины ещё долго доносился звон козьего колокольчика.

— А если старик соврал? — спросил молодой Знающий.

— Тогда вернёмся.

За поворотом тропа легла на голый камень, и последние следы исчезли. Тирэн придержал коня, прикрыл глаза и замер на несколько мгновений, прислушиваясь к слабой дрожи в шестом пальце. Она тянула руку в сторону склона, где среди серых камней рос редкий колючий кустарник.

Конь молодого Знающего оступился у края, выбил из-под себя щебень и потянул вниз мелкую осыпь. Тирэн дождался, пока всадник удержит коня, затем поднял руку и указал выше по склону.

— Там.

Едва заметная тропа огибала уступ и заканчивалась у низкого входа в пещеру.

* * *

Из-за уступа доносились шаги преследователей. Они приближались без спешки, всё отчётливее отдаваясь под низким сводом пещеры. Укрытие было тесным; свод держался на растрескавшемся камне и мог обрушиться от сильного толчка.

Лиэна сидела у стены, прижимая к себе Кейдана, и чувствовала, как вместе с кровью из тела уходит тепло. Семь месяцев назад она впервые взяла сына на руки. Теперь она медленно покачивала его на коленях, стараясь запомнить эту тяжесть.

Нокканы шли за украденной у них Высшей руной — Последним Поцелуем. Пока камень оставался при ней, преследователи нашли бы и её, и младенца. Отдать руну значило лишь облегчить им задачу: живыми не оставили бы ни её, ни ребёнка.

Она вынула тёплый гладкий камень и сжала в кулаке так, что побелели костяшки. Потом зашептала колыбельную, вплетая древние слова в мелодию, которую когда-то пела ей кормилица. Дыхание Кейдана постепенно выровнялось, ресницы перестали дрожать. Он должен был спать, пока она наносила знаки. Проснись он раньше — не выдержит.

Продолжая раскачивать сына, Лиэна взяла остриё и повела знакомую мелодию чуть громче:

— Спрячь, лаэ-тар, ин-эль… скрой его… лаэ-тар, ин-эль…

Первую руну она нанесла на левую ногу. Ребёнок не шевельнулся, и Лиэна, не прерывая песни, перевернула его на другой бок.

— Вперёд, лаэ-тар, ин-эль… дай ему путь… эль-ин-тар…

Вторую руну Лиэна нанесла на правое плечо, выводя линию за линией и не прекращая шёпота.

Наконец она положила Последний Поцелуй на грудь младенца. Камень задрожал, нагрелся и стал уходить в плоть. Кейдан вздрогнул, распахнул глаза и закричал — тонко, захлёбываясь.

Лиэна закрыла ему рот ладонью и склонилась ниже. Она выдыхала сыну в лицо сонный дурман, пока крик не стих, а веки не опустились. Камень целиком исчез в его груди. Теперь он сам стал руной.

Лиэна поднесла сына к узкой расщелине в стене, поцеловала в лоб и коснулась его плеча.

— Кейдан, открой глаза, — попросила Лиэна, осторожно тормоша его. — Мне нужно, чтобы ты меня услышал.

Мальчик сморщился и захныкал, пытаясь повернуться к ней. Лиэна коснулась пальцем его губ.

— Тише, мой хороший. Ещё немного — и всё пройдёт.

Она активировала руну пути. Кейдан на миг застыл, затем пополз к расщелине. Он с трудом протиснулся между камнями и скрылся в темноте.

— Ползи, сынок. Только ползи и не оглядывайся.

Лиэна осталась одна. Она прижала остриё к коже и повела первую линию руны Ил-ларэт — Последнего Вздоха. Из пересохшего горла сами вырвались слова принятия.

— Мама, — выдохнула она. — Я иду к тебе.

Пальцы разжались. Остриё звякнуло о камень.

* * *

Когда последний отзвук докатился до тропы, Тирэн натянул поводья. Виски резко сдавило, боль ударила за глазами и отдала в затылок. Он схватился за голову, нога выскользнула из стремени, и Тирэн рухнул с седла, ударившись коленом о камень.

Почти сразу из пещеры донёсся глухой хлопок. Воздух рванул наружу, свод над входом просел, и камни поползли по склону, сминая кустарник. Лошадь Тирэна шарахнулась, едва не наступив на него, а один из Знающих не удержался в седле и упал на тропу.

Тирэн дождался, пока боль немного отступит, приподнялся и сел, опираясь на руку. Колено отозвалось острой вспышкой. Знающий, сбитый воздушной волной, уже пытался подняться, второй держался за плечо, а молодой, прихрамывая, подошёл к Тирэну и посмотрел на бывший вход. Камни легли плотно, будто их складывали нарочно.

— Что прикажете?

Тирэн поднялся, перенёс вес на здоровую ногу и ещё раз осмотрел завал.

— В деревню. Приведите людей. Пусть разбирают завал.

Знающие подобрали поводья. Лошадь молодого пришлось вести в поводу. Тирэн слушал, как стук копыт слабеет за поворотом, потом добрался до большого плоского камня и сел, вытянув повреждённую ногу. Боль засела глубоко и не уходила; при первой попытке согнуть колено к горлу подступила тошнота, но терпеть было можно. Бывало и хуже.

Он посидел так некоторое время, затем поправил ворот, стряхнул пыль с одежды и провёл ладонью по лицу. Когда Знающие вернулись, Тирэн уже стоял у завала, заложив руки за спину.

Люди разбирали завал торопливо и молча, передавали камни из рук в руки и старались не поднимать глаз на Нокканов. Поздно вечером один из Знающих выбрался из расчищенного прохода с обрывком платья Лиэны, серым от пыли и запятнанным засохшей кровью. На ткани лежало тонкое остриё.

— Ребёнок?

— Ни тела, ни следа.

Тирэн повертел остриё в пальцах и убрал за пазуху.

* * *

Торв вытирал руки ветошью у кузницы, когда где-то в глубине горы тяжело ухнуло. Под ногами дрогнул камень, на верстаке звякнули медные пряжки, в лампах качнулось пламя. Торв замер и прислушался. За стенами ещё несколько мгновений сыпалась порода, потом всё стихло.

К восточным воротам уже сходились гномы. Никого не пришлось звать: после первого обвала могло тряхнуть снова. Старейшина Морл ждал у ворот, опершись обеими руками на кирку, и смотрел в тёмный проход.

— Торв, Бран, берите фонари, — сказал он. — Остальные ждут здесь.

За воротами вырубленная в склоне тропа сразу ныряла в темноту. Света от фонарей хватало на несколько шагов; дальше камень пропадал во мраке. С поверхности сюда нанесло мокрых листьев, и теперь они чавкали под сапогами.

Бран втянул носом воздух и поморщился.

— Воняет.

Морл даже не обернулся.

— Потерпишь.

В заброшенной штольне пришлось идти согнувшись. Старые крепи почернели от сырости, некоторые балки держались на одной трухе. Морл поднял фонарь и медленно провёл светом по своду. Поперёк камня тянулась свежая трещина, с её краёв ещё сыпалась мелкая крошка.

— Тут осело, — сказал Морл. — Под ноги смотрите.

Они перебрались через осыпь и возле щели, почти у самого пола, увидели младенца. Он сидел, привалившись к стене, и молча щурился на свет фонарей.

— Вот кого гора вытолкнула, — пробормотал Морл.

Торв передал фонарь Брану, поднял младенца и прижал к груди.

— Живой. Холодный весь.

Только тогда Торв заметил его правую руку. Один из крошечных пальцев раздваивался у основания.

— Что это у него? — Бран отступил на шаг.

Морл поднёс фонарь ближе и нахмурился.

— Палец двойной. Не к добру.

— Приметы дома разберёте, — оборвал его Торв. — Ребёнок стынет.

В Карн-Тар они вернулись вчетвером. На главном дворище уже теснилась толпа. Многие пришли прямо из кузниц, не сняв кожаных фартуков и не отмыв от угля руки. Говорили вполголоса, но, увидев ребёнка у Торва, замолчали.

Из главного дома один за другим вышли все восемь старейшин. Гномы расступились, пропуская Торва к колодцу.

Торв сел на каменную скамью под фонарём, по-прежнему держа младенца на руках. Тот перестал щуриться и уставился на огонь, качавшийся над головой.

— Нашли в старой штольне, — сказал Морл. — Сам выполз из щели.

Старейшины обступили скамью. Карст потянулся к правой руке младенца, но в последний момент одёрнул свою.

— Он чужой, — произнёс Карст. — Может, уродец с гор. Только откуда взялся?

Малыш сморщился и заорал. Карст отшатнулся, по толпе прошёл тревожный гул.

Из-за чужих спин протиснулась травница Бринн. Она без церемоний отодвинула Карста плечом; от её старого плаща пахло полынью и грибным отваром.

— Хватит таращиться, — сказала она негромко, однако услышали все. — Ребёнка сначала накормить надо, а приметы потом считать.

Бринн села рядом с Торвом и забрала у него младенца. Из-под плаща она достала глиняную бутыль с кожаным соском и поднесла к его губам. Ребёнок жадно принялся пить, не отрывая от неё глаз. Плач стих.

— Что ты делаешь? — спросил Морл.

— Кормлю. А ты чем занят?

Морл поджал губы. В толпе кто-то тихо хмыкнул.

Бринн укрыла младенца полой плаща и поправила бутыль.

— Сын горы, — сказала она. — Сама гора его нам вынесла. Поздно теперь нос воротить.

— А палец? — не отступал Карст. — Раздвоенный, как у нечисти.

— Копыто увидишь — тогда и кричи про нечисть. А это палец. И ребёнок голодный.

Верховный старейшина Брик подошёл к скамье, посмотрел на младенца, затем на Бринн.

— Забирай. Пусть растёт у тебя.

Бринн кивнула и перехватила младенца поудобнее.

— Ну, здравствуй, сын горы, — прошептала она и, отвернувшись от старейшин, понесла его домой.

Интерлюдия

Предгорья Бронзового Кряжа

К рассвету дождь кончился. В низинах ещё лежал туман, с ветвей мерно срывались тяжёлые капли, и узкая тропа, разбитая копытами за дни поисков, влажно блестела между корнями. Лес пах мокрой корой, землёй и прелыми листьями.

После гибели Лиэны прошло несколько дней, но поиски не прекращались. Из-под завала достали клочок её платья и тонкое остриё; тела ребёнка среди камней не нашли, и каждое утро отряды уходили всё дальше от разрушенной пещеры, осматривая тропы, овраги и лесные ручьи.

В то утро с Тирэном ехали двое Знающих. Один держался почти у его плеча, второй следовал на несколько шагов позади и время от времени оглядывался туда, где тропа уже скрылась за мокрыми ветвями. У ручья они придержали лошадей, дали им напиться и двинулись дальше вдоль воды, по гладким камням, на которых копыта оставляли тёмные следы.

Когда они проезжали под старым дубом, шестой палец Тирэна свело так резко, что поводья дрогнули в руке. Боль ударила под ноготь и прошила кисть. Он бросил поводья, выдернул ноги из стремян и завалился из седла влево.

Первая стрела пронеслась там, где только что была его грудь, и скрылась в кустах. Вторая ударила ближайшего Знающего в горло. Тот успел схватиться за древко, качнулся и медленно повалился набок.

Второй всадник рванул поводья, разворачивая коня поперёк тропы, но из леса уже летели ещё две стрелы. Одна вошла ему в спину, другая — под край затылочной пластины. Он рухнул лицом на гриву; сапог застрял в стремени, и обезумевшая лошадь потащила тело между деревьями, обрывая низкие ветви.

Через несколько мгновений всё стихло. Ручей по-прежнему перекатывался через камни, с листьев падала вода. Знающий у тропы ещё хрипел, потом дёрнулся и замер.

Тирэн перекатился за ствол старого дуба, выровнял дыхание и прислушался. Слева, среди тесно растущих деревьев, влажная листва шевельнулась сразу в двух местах: один стрелок стоял ближе к тропе, второй прятался глубже в лесу.

Тирэн поднял левую руку и сложил короткий знак уплотнения. Пальцы свело, воздух перед ладонью задрожал и стал плотным. Когда он вышел из-за дерева, две стрелы свистнули почти одновременно и врезались в невидимую преграду. Древки дрогнули, переломились и осыпались к его ногам.

В ушах поднялся гул, шестой палец онемел до самой ладони, однако Тирэн продолжал идти. Второй залп ударил сильнее: воздух перед ним прогнулся, по левой руке прошла дрожь, а шум в голове стал громче ручья. До первых дубов оставалось всего несколько шагов.

Тирэн обнажил прямой обоюдоострый меч, опустил клинок и поманил противников.

— Ну? — произнёс он негромко.

Лучники медлили. Потом качнулась мокрая ветвь, и из-за разных стволов вышли два эльфа. Тёмно-зелёные плащи липли к доспехам, по металлическим пластинам тянулась сплошная вязь рун, узкие шлемы оставляли лица открытыми. Эльфы убрали луки за спины, вынули сабли и без единого слова начали расходиться, заходя с двух сторон.

Тирэн остановился посреди небольшой поляны, где между корнями стояла дождевая вода. Он повернулся правым плечом к ближайшему противнику, меч держал невысоко, а левую руку оставил свободной. Эльфы приближались легко, почти не задевая ветвей, и лишь вода плескалась под их сапогами.

Они бросились одновременно. Тирэн позволил правому сделать ещё один шаг и только тогда сложил знак. Земля под ногами эльфа обмякла, поплыла; он увяз по колено и рухнул, успев выставить перед собой руку.

Второй уже был рядом. Тирэн встретил саблю гардой, отвёл клинок в сторону и коротким выпадом ударил эльфа в правое плечо. Тот отшатнулся, рука с оружием опустилась, он снова взмахнул саблей — широко, неловко, через боль. Тирэн пропустил клинок мимо, шагнул внутрь замаха и вогнал меч под край нагрудника.

Пока он высвобождал оружие, первый эльф выбрался из вязкой земли и поднялся на одно колено. Тирэн повернулся к нему. Эльф медленно встал. С кончика сабли стекала вода, грудь тяжело поднималась под нагрудником.

— Зачем? — спросил Тирэн.

Эльф посмотрел на товарища, лежавшего в мокрой траве.

— Мы ищем Лиэну. Ваши люди похитили её.

— Она погибла в горах.

Эльф молчал, и только его дыхание постепенно становилось тише. Наконец он опустил саблю.

— Совет не поверит мне на слово.

Тирэн вытер меч о мокрую траву, убрал его в ножны и достал из-за пазухи тонкое остриё с засохшей кровью.

— Покажешь им это. Поверят.

Эльф убрал саблю в ножны, принял остриё обеими руками и спрятал за нагрудник. Потом повернулся и ушёл между деревьями, ни разу не оглянувшись.

Тирэн дождался, пока его шаги растворятся в шуме ручья, и подобрал поводья своей лошади. С листьев всё так же падали тяжёлые капли, смывая кровь с травы.

Глава 1. Сын горы

Утро в Карн-Таре начиналось с запаха хлеба. Первыми топили дальние печи, и тёплый дух ржаного теста тянулся по галереям, смешиваясь с угольной пылью и холодом, оставшимся после ночи.

Гора просыпалась медленно, и Кейдан с детства знал порядок её пробуждения. Сначала в нижнем дворе начинала скрипеть тележная ось, потом над пекарней распахивались ставни, а следом в кузнечном ряду один за другим гремели засовы. Под каменными сводами любой звук уходил далеко и возвращался приглушённым, так что порой нельзя было понять, в соседнем доме стучат или на другой стороне Карн-Тара.

Среди этих знакомых звуков Кейдан возвращался от общего колодца с двумя полными вёдрами. Пеньковые ручки впивались в ладони, деревянные обручи мерно постукивали друг о друга, а вода выплёскивалась через край и холодила голени. У самого дома он свёл обе ручки в левую ладонь, чтобы спрятать правую за спину, хотя во дворе на него никто не смотрел.

Бринн стояла у очага и ложкой выкладывала густое тесто на горячую сковороду. По дому плыл запах оладий и сушёной полыни, пучки которой висели над дверью.

— Поставь к стене. Только не разлей: камень до вечера мокрый будет.

Кейдан поставил вёдра и носком сапога придвинул их ближе к стене. Правую ладонь он по-прежнему держал сжатой так крепко, что ногти оставили на коже белые полумесяцы. Он сам не замечал, как сжимал кулак, стоило кому-нибудь задержать взгляд на раздвоенном пальце.

Бринн перевернула оладью и даже не обернулась.

— Пальцы разожми. Сам себе кровь остановишь.

Кейдан нехотя расправил ладонь, вымыл руки над тазом и сел за стол. Бринн поставила перед ним тарелку с тремя пышными оладьями, поджаренными по краям, придвинула горшочек мёда и кружку молока.

— Ешь, пока тёплые. Потом опять скажешь, что в доме кормят камнями.

Кейдан полил первую оладью мёдом и принялся есть, поглядывая в окно. Бринн его не торопила; у очага тихо шипело тесто, лопатка время от времени постукивала о край сковороды.

— Опять цеплялись, — сказал он наконец. — Из-за роста. Говорят, я длинный, как оглобля, а руки паучьи.

Бринн сняла сковороду с огня и поставила на камень у очага.

— И это всё, что они сумели придумать? Слабеют умом нынешние дети.

Кейдан ничего не ответил и щедро полил мёдом вторую оладью.

— Торв вчера опять приходил. Сказал, соль нужна.

— Вот у него и спросишь, куда он её девает. Скоро всю кузницу засолит.

Кейдан усмехнулся, допил молоко и вышел, прихватив со стола последнюю оладью.

В кузнице было жарко даже у входа. Торв качал меха у горна, и пот стекал по его гладкому лицу, собираясь на подбородке. На столе возле наковальни лежала узкая металлическая полоса.

— Заготовка перед тобой, — бросил Торв через плечо. — Проверь кромку.

Кейдан провёл по металлу кончиками пальцев, как его учили. Одних глаз было мало: пальцы чувствовали неровность раньше, чем её удавалось разглядеть.

— Слева тоньше.

Торв коротко кивнул.

— Выравнивай. Только прогрей как следует.

Кейдан зажал полосу старыми клещами с затёртыми рукоятями и поднёс к огню. По тёмному металлу медленно разошёлся вишнёвый цвет, добрался до краёв и стал ярче. Тогда Кейдан перенёс заготовку на наковальню, взял молот и ударил.

Звон разошёлся по кузнице, но Кейдан уже поднял молот снова. Он ударил ещё раз, потом ещё, торопясь закончить, пока металл не остыл. Искры брызнули на пол, одна с сердитым шипением упала в ведро с водой.

— Не части, — сказал Торв. — Ударил — дай железу ответить.

Кейдан выдохнул, дождался, пока стихнет звон, и снова опустил молот. На этот раз удар лёг ровнее. Он выдержал паузу и ударил рядом, уже без прежней спешки.

Торв продолжал качать меха, посматривая на его руки, и после нескольких ударов одобрительно хмыкнул.

— Вот теперь хорошо. Возвращай в огонь.

Кейдан едва успел поднести заготовку к углям, когда снаружи кто-то закричал. Слов было не разобрать, но крик прокатился по двору, повторился ближе, а затем его подхватили у соседних мастерских:

— Сеятель нашли!

Торв перестал качать меха. Несколько мгновений он прислушивался, потом стянул кожаный передник и повесил на крюк.

— Давно гора так не баловала, — произнёс он. — Идём. Работы сегодня всё равно не будет.

Когда они вышли из кузницы, по главной галерее уже шли люди. Двери мастерских оставались открытыми, кто-то торопился к шахте с инструментом в руках, кто-то на ходу натягивал куртку. Торв и Кейдан влились в поток, который становился шире у каждого бокового прохода.

Из пекарни выбежали две женщины, не успевшие отряхнуть с рук муку. Старый резчик бросил работу и оставил дверь мастерской распахнутой. Мимо протиснулись мальчишки, ещё недавно дразнившие Кейдана, но сейчас даже не взглянули в его сторону.

Над толпой перекатывались вопросы:

— Кто нашёл?

— В какой шахте?

— Большой?

Ответов ни у кого не было, однако слух уже жил сам по себе. Пока Торв и Кейдан добрались до шахты, кто-то успел поклясться, что Сеятель не меньше жернова, хотя камня ещё никто не видел.

Перед входом собралась такая толпа, что площадь почти исчезла под ногами. Те, кому не хватило места, забрались на ступени и низкие каменные ограды. Кейдан держался рядом с Торвом, а тот медленно прокладывал дорогу широкими плечами.

В глубине шахты показались огни. Первыми вышли двое шахтёров с лампами, следом ещё трое вынесли свёрток в мокрой зольной ткани. От него всё ещё шёл жар. Шахтёры передавали ношу друг другу, морщась и встряхивая покрасневшими ладонями.

Рядом шагал Дунн, с ног до головы покрытый чёрной пылью. Кирку он держал поперёк груди и не сводил глаз со свёртка, словно боялся, что тот исчезнет, стоит отвернуться.

Когда находку пронесли мимо, что-то под рёбрами Кейдана отозвалось коротким толчком. На один удар сердца в груди стало горячо. Он прижал ладонь к этому месту, но ощущение уже исчезло, и под пальцами осталось только тяжёлое биение сердца.

Шахтёры опустили Сеятель перед Бриком и отступили, растирая покрасневшие ладони. Верховный старейшина посмотрел на них, потом обвёл взглядом притихшую площадь и лишь после этого склонился над свёртком в мокрой серой ткани.

— Пятнадцать лет гора молчала, — сказал он. — Сегодня она снова отдала нам камень. За него торговцы привезут в Карн-Тар золото и припасы, и зимой наши кладовые не опустеют. Запомните тех, кто нашёл Сеятель и поднял его из глубины.

Брик подозвал Дунна, всё ещё стоявшего рядом с шахтёрами.

— Сегодня твой день. Ты первым услышал Сеятель.

Кто-то выкрикнул имя Дунна, и площадь подхватила его. Посох трижды ударил о камень, следом застучали каблуки, голоса слились в один гул. Дунн опустил голову, словно хотел спрятаться от всего Карн-Тара, и быстро провёл рукавом по щеке.

После этого работать уже никто не вернулся.

К полудню площадь было не узнать. Из домов вынесли длинные столы и лавки, из кладовых покатили бочки, над широкой жаровней подвесили мясо. Между крышами натягивали верёвки для фонарей, дети путались под ногами, а каждый, кто проходил мимо, считал нужным объяснить, куда следует поставить очередную лавку.

Кейдан вместе с Торвом таскал доски, подносил уголь и дважды переносил один и тот же стол, потому что всякий новый распорядитель находил для него место лучше прежнего.

Когда над жаровней понадобилось поднять тяжёлую перекладину, Торв молча позвал Кейдана к другому концу. Они взялись одновременно и с первой попытки уложили брус в каменные гнёзда. Вокруг сразу заговорили, что один край следовало поднять выше.

Торв вытер ладони о передник и посмотрел на советчиков.

— Ещё один совет — и следующий брус держать будете сами.

Советчики разошлись.

К вечеру над площадью зажглись фонари, и Карн-Тар наполнился запахами хлеба, печёной репы и мяса. Жир падал на угли, вспыхивал, дым плыл над столами и щипал глаза. У Кейдана сводило живот, но он по привычке остановился возле стены у кузницы.

Мужчины уже рассаживались, подвигали кружки и перекрикивались через стол. Кейдан видел свободные места, однако просто подойти и сесть не решался.

Торв заметил его, подвинулся на лавке и хлопнул ладонью рядом с собой.

— Кейдан. Место держать не будем.

Кейдан сел. Ему сразу сунули кусок горячего мяса и тяжёлую кружку, скользкую от пены.

— Пей уже, — сказал сосед. — От взгляда вкуснее не станет.

Пиво пахло солодом и дымом. После первого глотка Кейдан закашлялся и едва не выплюнул всё обратно, зато по груди сразу разлилось тепло.

— Горькое, — признался он.

— А ты мёда ждал?

За столом рассмеялись. Торв хлопнул Кейдана по спине и велел не переводить добро. На другом конце площади затянули низкую песню, похожую на гул глубоко под землёй; кружки застучали о доски, разговоры стали громче, и вскоре Кейдан уже подпевал, хотя не знал половины слов.

Дунна несколько раз пытались поднять над столом вместе с лавкой, но он отбивался и кричал, что Сеятель нашла его кирка, вот её и следует поить. Кто-то немедленно сунул кружку под деревянную рукоять, пиво полилось на пол, и Торв возмутился так, словно у него на глазах испортили хороший клинок.

Кейдан смеялся до боли в животе и впервые не следил, куда кладёт правую ладонь.

Три удара гонга перекрыли шум. Голоса стихли, люди начали вставать из-за столов.

На далёком краю скалы вспыхнула искра, за ней другая, и через мгновение пламя взметнулось над сигнальным костром. Отсюда он казался совсем близким: огонь тянулся в темноту, освещая край скалы, а дым уходил к востоку.

Кто-то ударил кружкой о стол, и с разных концов площади ему ответили.

— Первую кружку Дунну!

— За гору!

— Зимой наедимся!

Площадь снова загудела. Люди славили гору, требовали ещё пива и шумели так, что песня тонула, едва успев начаться.

Кейдан смеялся вместе со всеми и не сразу заметил Бринн у дальнего края площади. К ней подошёл один из помощников Брика, наклонился и сказал что-то на ухо. Бринн выслушала его, отыскала Кейдана среди празднующих и несколько мгновений смотрела на него, уже не улыбаясь. Потом повернулась и ушла к дому старейшин.

За толстыми стенами дома старейшин шум праздника превратился в далёкий гул. Иногда сюда долетали удары кружек о стол и обрывки песни, но внутри было тихо.

Брик сидел на простой лавке, широко расставив ноги, и держал кружку с водой между ладонями. Бринн прикрыла за собой дверь и села напротив.

— Говори. Праздник без меня не кончится.

— За Сеятелем приедут Нокканы. Через два дня, может быть, раньше. Они полезут во все закоулки, а Кейдан уже вырос. Его заметят.

Бринн положила ладони на колени.

— Руку тоже.

— Руку особенно. Начнут спрашивать, откуда он взялся, потом захотят забрать. Завтра в Миранис идёт обоз. Кейдан знает кузнечное дело, при гильдии без хлеба не останется, а в большом городе ему будет проще затеряться.

— Шанс для него или передышка для нас?

Брик помолчал, глядя в кружку.

— Для него. Но если Нокканы узнают, что мы прятали его все эти годы, одним Кейданом дело не кончится.

В очаге щёлкнуло полено, осело и рассыпалось красными углями. Бринн долго смотрела на них, не шевелясь.

— Поговори с ним, — сказал Брик. — Тебя он услышит.

— А если не услышит?

Брик поставил кружку на стол.

— Уговори. Здесь ему оставаться нельзя.

Когда Бринн открыла дверь, шум площади снова навалился на неё со всех сторон. Кейдан сидел возле Торва, плечом к плечу с остальными, раскрасневшийся от пива, и смеялся над словами соседа. Его правая ладонь лежала на столе открытой, совсем рядом с кружкой, и он впервые не пытался её спрятать.

Бринн остановилась, глядя на него. Потом Кейдан заметил её и сразу поднялся.

— Что случилось?

— Пойдём домой, сынок. Под крышей скажу.

Они свернули в переулок, и шум праздника быстро остался за домами. Под редкими фонарями блестела мокрая брусчатка, шаги глухо отдавались от стен, подол плаща Бринн шуршал по камню. Кейдан несколько раз посмотрел на неё, но больше ни о чём не спросил.

Дома Бринн прикрыла дверь, зажгла свечу и, не снимая платка, села напротив него.

— Завтра через восточный перевал уходит обоз в Миранис.

Кейдан посмотрел ей в лицо.

— И меня отправят с ним.

— Да. За Сеятелем приедут Нокканы. Ты уже взрослый и на гнома давно не похож. Среди нас тебя увидят сразу, потом заметят руку и начнут спрашивать, откуда ты взялся. Если это случится, спрятать тебя мы уже не сможем.

Она придвинула свечу ближе, хотя света и без того хватало.

— В Миранисе есть кузнечная гильдия. Брик даст тебе знак для одного мастера, а Торв научил достаточно, чтобы тебя взяли учеником. Там будет время освоиться.

Кейдан слушал, сжимая правую ладонь под столом.

— Я не хочу уезжать. Это мой дом.

— Знаю, сынок.

— Тогда зачем ты меня гонишь?

— Я хочу, чтобы ты остался жив.

Кейдан смотрел на неё, ожидая продолжения.

— А обратно когда? К зиме?

Бринн отвела глаза к свече. Пламя качнулось, выпрямилось, но она ничего не ответила.

— Иди спать, — произнесла она наконец. — На рассвете соберёмся. Сердиться на меня можешь по дороге.

Кейдан лёг, но ещё долго смотрел в тёмный потолок. За перегородкой Бринн дышала ровно, слишком ровно для спящего человека. Он разжал кулак, провёл пальцем по раздвоенному пальцу и спрятал руку под одеяло.

Сон пришёл лишь под утро.

Разбудила его ладонь на плече. Бринн сидела рядом и осторожно тормошила его.

— Вставай, соня. Возчик ждать не станет.

Кейдан сел с тяжёлой головой и пересохшим ртом.

— Дай немного времени. Я быстро соберусь.

— Уже собрала. Знаю я твоё «быстро».

На лавке лежал туго завязанный мешок, поверх него Бринн сложила куртку и шапку, рядом пристроила свёрток с едой. Кейдан остановился перед лавкой.

— И вся моя жизнь поместилась в этот мешок?

— А чего тебе ещё? Ты в дорогу собрался, не на ярмарку. Наковальню Торв всё равно не отдаст.

Кейдан оделся и закинул мешок на плечо. Тот потянул вниз сильнее, чем он ожидал. Бринн поправила ему ворот и подтянула лямку, чтобы не тёрла шею.

— Там оладьи. Съешь сегодня, иначе завтра ими можно будет подковы забивать.

— А себе оставила?

— Мне не в дорогу. Проголодаюсь — поем.

У двери Кейдан остановился, придерживая мешок рукой.

— До ворот со мной дойдёшь?

— До ворот дойду. Дальше тебе самому придётся.

Во дворе было серо и холодно. Возле телег проверяли узлы и затягивали ремни, лошади фыркали, возчик бранил мальчишку, перепутавшего постромки. Карн-Тар просыпался как в любое другое утро, и Кейдану вдруг стало обидно, что город не замечает его отъезда.

Бринн шла рядом и молчала. Когда мешок съехал с плеча, она привычным движением поправила его, даже не взглянув на Кейдана.

У восточных ворот было тесно от провожающих. Одни обнимались, другие совали отъезжающим узелки с едой и торопливо передавали последние поручения. Кейдан смотрел только на Бринн.

Она остановилась возле крайней телеги.

— Ну вот и всё. Дальше сам.

— Я вернусь. Слышишь? Не успеешь соскучиться.

— Вернёшься. И оладьи по дороге съешь, а то проверю.

— Ты тоже не скучай.

— Не дождёшься, — сказала Бринн и сразу притянула его к себе.

Она обняла крепко, так что мешок снова съехал с плеча. Кейдан не стал его поправлять и уткнулся лицом в её платок, пахнущий полынью и дымом.

— Береги руку и голову, — прошептала Бринн. — Особенно голову. Она у тебя одна.

— Буду. Обещаю.

Бринн отпустила его, отступила на шаг и снова поправила ворот, хотя тот и без того лежал ровно.

— Иди уже. Возчик ждать не станет.

Кейдан развернулся и пошёл к телегам.

Интерлюдия

Серый Замок

Дождь начался ещё затемно и к утру только измельчал. По стенам Серого Замка тянулись тёмные потёки, один из медных желобов не справлялся с водой и через каждые несколько мгновений выплёскивал её на плиту внизу. За стенами виднелся лишь ближайший склон; дальше вереск и низкое небо пропадали в сером тумане.

Серый Замок стоял над пустошью уже семьсот лет. На северной стене почернел раствор, между камнями пробивался мох, а в дальних комнатах оставленная на ночь одежда к утру становилась влажной.

В кабинете Велмара было теплее, чем в остальных покоях. Одно из поленьев в камине время от времени шипело — должно быть, успело намокнуть, пока его несли со двора. Тяжёлый стол у окна был исцарапан перьями и ножами, одно кожаное кресло заметно просело, вторым почти не пользовались. Часы над камином отставали на семь минут. Их несколько раз исправляли, но уже к вечеру они снова показывали своё время, и в конце концов их оставили в покое.

Велмар стоял над развёрнутой картой. На полях сохранились старые пометки; почерк был его, хотя смысл некоторых записей уже ускользал. Чай возле локтя давно остыл, но Велмар время от времени брал чашку за тонкую ручку, делал глоток и возвращал точно на середину блюдца.

Орин постучал один раз и вошёл, не дожидаясь ответа. С мокрого плаща на пол упало несколько капель.

— На Бронзовом Кряже зажгли костёр.

Велмар подошёл к окну и посмотрел на восток. Огня за дождём уже не было видно, только над дальним краем пустошей поднимался тёмный дым.

— Значит, нашли Сеятель. Пятнадцать лет копали впустую и всё-таки дождались. В Карн-Таре сегодня, должно быть, никто не спит.

Орин снял перчатки, положил их на край стола и склонился над картой. Палец остановился возле Бронзового Кряжа, рядом со старой отметкой.

— Лиэна исчезла здесь. Тело ребёнка тогда не нашли, а ближе гномов никого не было.

Велмар перевёл взгляд на маленький знак Карн-Тара.

— Возможно.

Орин не продолжал. Пятнадцать лет назад они уже перебрали всё, что осталось после обвала, и ни одна зацепка не увела их дальше разрушенной пещеры.

— Если мальчик там, Высшая руна могла отозваться на Сеятель.

Велмар вернулся к столу и некоторое время рассматривал дороги вокруг Кряжа.

— Костёр ничего не доказывает. Но теперь возле Кряжа будет много людей. Нашим следует слушать внимательнее.

— Торговый дом уже готовит обоз за камнем. Мастера могут выехать к утру.

— Пусть с ними едут двое Знающих. Отдельный поиск сразу насторожит гномов. Осмотрятся в Карн-Таре, поговорят в дороге, послушают у перевала. Такой мальчик среди гномов незамеченным не вырос бы.

Орин коротко кивнул.

— Искать руку?

— Сначала возраст и происхождение. Раздвоенный палец подтвердит остальное. Если начнёте осматривать каждого подростка между Кряжем и Миранисом, о вас заговорят раньше, чем вы что-нибудь найдёте.

В камине треснуло полено, осело и рассыпалось углями. Велмар подвинул карту ближе к свету.

— С гномами говорите спокойно. Камень купите на обычных условиях, без лишней спешки. Если они вырастили мальчика, то давно считают его своим.

— Могут попытаться спрятать.

— Могут. Сеятель для них — товар, найдёныш — дар горы. Камень они продадут, мальчика за золото не отдадут.

Велмар разгладил загнувшийся край карты.

— Не спорьте с ними и не угрожайте. Сначала закончите сделку, выслушайте старейшин. Когда убедитесь, что это он, привезёте его домой.

Орин провёл пальцем по краю карты.

— Камень покупаем на прежних условиях. Что обещать за сведения о мальчике?

— За камень мастер рассчитается отдельно. За верные сведения пообещай большой кошель золота. Размер выбери сам.

— Этого хватит.

Велмар сел за стол, придвинул лист и написал несколько строк. Перо двигалось медленно, однако буквы ложились ровно, с одинаковым наклоном. Он перечитал распоряжение, поставил подпись и протянул лист Орину.

— Докладывай только о том, что подтвердили. Слухов и без нас будет достаточно.

— Разумеется.

Орин надел перчатки, убрал распоряжение за пазуху и вышел. Дверь тихо закрылась. Часы над камином щёлкнули и отсчитали ещё одну минуту, по-прежнему запаздывая на семь.

Велмар остался у карты. Его взгляд снова остановился на старой отметке возле Карн-Тара, и в памяти появилось слово.

Сын.

Он беззвучно повторил его. Велмар понимал, о ком идёт речь, но дальше память не шла. Лицо не появилось. Голос тоже. Он ждал хотя бы тревоги, однако ничего не почувствовал.

Велмар взял чашку и сделал глоток. Чай был холодным. Он поморщился, поставил чашку точно на середину блюдца и снова посмотрел на дождь.

Глава 2. Дорога вниз

Дорога спускалась с гор, огибая серые склоны. Поначалу колёса прыгали по камням и телеги то и дело кренились, но с каждым поворотом острых обломков становилось меньше, воздух теплел, а под копытами всё чаще появлялась мягкая земля. К полудню обоз уже катил по пыльной колее.

Кейдан сидел на краю повозки, придерживаясь за борт, и смотрел, как знакомые горы становятся ниже и медленно отходят к краю неба.

Никогда прежде он не видел столько неба.

В Карн-Таре оно помещалось в узкой щели между склонами и каменными стенами. Здесь ничто его не удерживало: бледный простор начинался у одного края земли и уходил к другому. Кейдан запрокинул голову, но почти сразу ухватился за борт — от этой пустоты над собой у него закружилась голова.

Там, где горная тропа сходилась с равнинным трактом, обоз уже ждали люди. Кейдан узнал их сразу, хотя прежде видел лишь издали.

Они были выше гномов и гораздо шумнее. Последняя телега ещё не успела остановиться, а один из людей уже забрался на колесо и развязывал ремни, пока двое других спорили через всю дорогу, куда складывать тюки. Гномьи товары переносили на широкие людские повозки, а мешки и бочки, привезённые с равнины, грузили на телеги, которым предстояло подняться в горы.

Кейдан ещё пытался понять, к какой повозке ему идти, когда рядом появился Брик. Старейшина держал небольшую глиняную табличку, обожжённую до тёмного блеска. На одной стороне были выдавлены незнакомые знаки.

— В Миранисе найдёшь кузнеца Горма, — сказал Брик и протянул табличку. — Он дворф, но ремесло знает. Покажешь мой знак, остальное он поймёт.

Кейдан осторожно взял табличку.

— А если Горм уехал или не захочет меня брать?

— Он будет на месте. Горм не любит ни дороги, ни перемены. А табличка убедит его хотя бы выслушать тебя.

Брик оглядел его одежду, задержал взгляд на туго стянутом мешке и поправил ремень у него на плече.

— Не потеряй знак. Без него в городе ты для Горма такой же бродяга, как сотня других.

Кейдана подвели к телеге, запряжённой парой широкогрудых лошадей. На передке сидел седой возница. Несмотря на возраст, спину он держал прямо, а вожжи лежали в его крепких руках легко, без натяжения. Старик прищурился, посмотрел на Кейдана без особого любопытства и кивнул на груз.

— Забирайся. Сзади солома, на ней меньше растрясёт.

Кейдан устроился на тюке и подтянул колени. Возница едва шевельнул вожжами, лошади дружно налегли на упряжь, и повозка покатила по равнинной дороге.

— Зови меня Рорком, — сказал старик, не оборачиваясь. — Я здесь сорок лет езжу. Дорогу знаю лучше собственного двора.

Кейдан кивнул, а потом понял, что Рорк этого не видит.

— А ты, выходит, из гор. Гномы вырастили? Слышал, они иногда подбирают тех, кого гора выплюнет. Сам прежде не встречал.

Кейдан промолчал. Рорк не стал повторять вопрос, только цокнул языком, подгоняя левую лошадь, и некоторое время следил за дорогой.

— За теми холмами будет река, — заговорил он снова и показал прутиком вперёд. — Широкая, спокойная. Через неё старый каменный мост перекинут. Говорят, эльфы строили.

— Правда?

— Врут, наверное. Эльфов здесь отродясь почти не видели.

Некоторое время они ехали молча. Потом Кейдан спросил:

— Миранис и правда такой большой?

— Большой, шумный и грязный, зато там всякого люда больше, чем угля в хорошем забое. Люди, дворфы, полукровки. Даже два эльфа держат лавки, если их с прошлого года не выгнали.

— А что дальше, за городом?

— Море. Огромная вода, до самого края глаз. Я в первый раз долго искал противоположный берег и чуть не рассмешил рыбаков.

Рорк усмехнулся, вспомнив об этом, и снова поправил вожжи.

За холмами дорога пошла вниз, деревья расступились, и перед Кейданом открылась река. Старый каменный мост потемнел от воды и времени; под его широкими сводами медленно шло течение.

В Карн-Таре вода помещалась в колодцах, кадках и бурдюках. Здесь у неё не было ни стен, ни края, и она двигалась сама по себе, унося листья и солнечные блики. Кейдан смотрел на реку, пока мост не остался далеко за спиной.

К вечеру обоз остановился в ложбине, укрытой деревьями. За кустами негромко шумела вода. Пока одни распрягали и поили лошадей, другие разжигали костры. Рорк отправил Кейдана за сушняком, а сам пристроил над огнём закопчённый котелок.

Ужинали ухой из купленной утром рыбы и ломтями хлеба. Кейдан обхватил горячую миску ладонями и некоторое время слушал, как потрескивают ветки в костре.

— Ты знаком с Гормом? — спросил он.

Рорк перестал жевать и посмотрел на него через огонь.

— Смотря что ты о нём слышал. Знакомство с кузнецом часто начинается с жалоб соседей.

— Только имя. Брик сказал, что Горм даст мне работу.

— Раз Брик сказал, кузнеца найдёшь. Горм — дворф. Характер тяжёлый, зато железо у него слушается. Со своими он разошёлся, с гномами ругается через слово, но Брику почему-то доверяет. Потому тебя к нему и послали.

Кейдан зачерпнул уху и осторожно отпил с края ложки.

— За что его изгнали?

Рорк доел, вытер ложку о рукав и убрал в дорожный мешок.

— Не знаю. И ты не спрашивай. Захочет — сам расскажет.

Кейдан опустил ложку. Над ухой уже не поднимался пар.

— Его стоит бояться?

Рорк поднял на него взгляд.

— Горм кузнец, а не разбойник. Брик дал тебе свой знак — значит, доверяет. Старейшины такими вещами не разбрасываются. Пока этого знания тебе хватит.

Кейдан улёгся на солому и укрылся курткой. Рорк остался у костра, вытянув ноги к огню. Под негромкий шум реки Кейдан закрыл глаза и вскоре уснул.

На рассвете от воды потянуло сыростью. Одежда за ночь отсырела и липла к телу. Кейдан проснулся от грохота упряжи и недовольного ворчания Рорка, который уже сворачивал подстилки и проверял ремни.

— Вставай, парень. Мне тоже не хочется, но дорога сама себя не проедет.

Кейдан натянул холодную куртку, свернул подстилку и помог залить костёр.

— Сейчас бы горячего чаю, — пробормотал Рорк, затягивая верёвку на тюке. — Да где ж его взять тут.

Он зевнул, потянулся до хруста и взялся за вожжи. Кейдан устроился на соломе, поднял воротник и сунул ладони под мышки. Лишь когда ногти впились в кожу, он заметил, что снова сжал правую руку в кулак.

Рорк закутался в плащ, надвинул шапку на уши и пустил лошадей шагом.

— К полудню солнце нас прогреет. А пока можно жаловаться. Это тоже помогает.

Некоторое время телега катила вдоль реки, потом дорога отвернула к холмам. Возле старого кострища Рорк вдруг натянул вожжи.

У обочины стоял серый конь с белой гривой. Передние ноги стягивала короткая пута, и при каждом шаге он едва не задевал копытом о копыто. Трава вокруг была вытоптана, в холодной золе чернели обгоревшие ветки, но ни поклажи, ни людей поблизости не было.

Рорк спустился с телеги, оглядел придорожные кусты и крикнул:

— Эй! Есть кто?

Ответа не последовало. Конь вскинул голову и попятился, насколько позволяла верёвка.

— Иноходец, — сказал Рорк. — Такие без хозяина по степи не бродят.

Кейдан тоже спрыгнул на дорогу. Он подошёл сбоку и негромко заговорил с конём, как привык говорить с упрямыми шахтными лошадьми. Иноходец дёрнул путу, мотнул головой, но через несколько мгновений замер и позволил взять себя за узду.

— Тебя, похоже, терпит, — сказал Рорк. — Подержи.

Он перерезал верёвку. На ногах остались натёртые полосы, местами сбитые до крови. Пока Рорк ощупывал сухожилия, Кейдан принёс с телеги небольшое ведро. Конь пил жадно, проливая воду на пыль, а потом ткнулся мокрой мордой Кейдану в грудь и позволил провести ладонью по шее.

— Кости целы, — решил Рорк. — Остальное заживёт.

— А хозяин?

Рорк ещё раз оглядел пустое кострище.

— Если объявится, конь сам к нему вернётся. Силой за собой не потащим.

Иноходца не стали привязывать к телеге. Когда повозка вернулась на дорогу, он остался возле погасшего костра и долго смотрел вслед. Кейдан уже решил, что конь не пойдёт, но вскоре услышал позади мягкий стук копыт.

Сначала иноходец держался далеко, затем подошёл ближе и двинулся за телегой лёгкой поступью, почти не покачивая спиной.

— Так и будет за нами идти? — спросил Кейдан.

— Захочет — отстанет.

Кейдан ещё несколько раз оглянулся. Через час перестал: цокот копыт всё равно не отставал.

Рорк говорил негромко, глядя на дорогу, и его голос то становился яснее, то тонул в скрипе колёс и шорохе соломы.

— Степь при ветре вся дрожит до горизонта. На закате трава краснеет, будто кровь проступает. Красиво, говорят. Я не люблю: слишком открыто. В горах тесно, зато знаешь, что у тебя за спиной.

Кейдан ничего не ответил. Под курткой наконец стало тепло, телега мерно покачивалась, и думать не хотелось.

— Видишь серые камни впереди? После полудня будем там. У поворота возьмём вправо, к городу. Прямая дорога уходит в Пустошь.

Рорк замолчал и прищурился от поднявшегося солнца.

— Над восточными воротами Мираниса висит медная ящерица, — заговорил он спустя некоторое время. — Небольшая, с локоть длиной. Вся зелёная от старости, а макушка блестит: каждый входящий её гладит.

Кейдан лениво приподнял голову.

— Зачем её гладят?

— На удачу. По ходу чешуи день сложится, против — всё пойдёт наперекосяк. Я раньше считал это придурью.

Рорк поправил вожжи и прищёлкнул языком.

— Лет десять назад приехал я зимой в город злой, как пёс. Ящерицу даже не заметил. К полудню воз с углём опрокинулся, лошадь расковалась, а к вечеру хозяин трактира спросил: «Ты зелёную-то погладил?» Хотел я его кружкой стукнуть, да сил уже не было.

Кейдан слушал, не перебивая.

— Наутро всё-таки погладил, по ходу чешуи. Товар разошёлся за полдня. С тех пор каждый раз говорю ей: «Ну, зелёная, сегодня не подведи».

Рорк хмыкнул.

— Один возница уверял, что деньги идут, если гладить против чешуи. Я ему посоветовал так кобылу гладить. Чуть не подрались, а ящерице хоть бы что.

Кейдан снова лёг на солому.

— А если пройти мимо?

Рорк пожал плечами.

— День всё равно настанет. Только ты уже не узнаешь, какой удачи лишился.

Он указал прутиком вдоль дороги.

— Когда въедем, посмотри налево, прямо над притолокой. Макушка у неё светится от ладоней.

Кейдан закрыл глаза. Солома успела нагреться на солнце, телега покачивалась, а перед ним уже виделись незнакомые ворота и зелёная медная ящерица с блестящей макушкой. Рорк продолжал рассказывать о городских колодцах и о том, как нужно сидеть в телеге, чтобы к вечеру не ломило поясницу, но слова постепенно смешались со скрипом колёс.

Кейдан открыл глаза и не сразу понял, что его разбудило. Телега всё так же покачивалась, Рорк насвистывал себе под нос, над дорогой плыло жаркое марево.

Потом Кейдан заметил две тёмные фигуры справа, почти у самого горизонта. Сперва он принял их за камни, но одна чуть повернулась, и на солнце коротко блеснул металл.

Он тронул Рорка за плечо.

— Рорк, посмотри вправо. Там двое.

Старик повернул голову, перестал жевать соломинку и прищурился. Несколько мгновений он молча всматривался вдаль, затем выплюнул соломинку за борт.

— Верты. Тарванские разведчики.

Рорк подобрал вожжи, и лошади пошли резвее.

— Ложись и не пялься на них. Пусть думают, что мы ничего не заметили.

Кейдан послушался. Он смотрел в небо и слушал скрип колёс, стараясь не поворачивать головы. Верты оставались где-то справа, за бортом телеги, и от этого сон окончательно прошёл.

— Они нападут?

— Сами — вряд ли. Их дело считать телеги, людей и оружие. Потом уйдут и передадут другим.

— Гархам?

— Может, и Гархам.

Рорк оглядел дорогу впереди, потом степь по обе стороны от неё.

— Если нагонят, смотри на умтара. Подпусти ближе и прыгай в сторону — на разгоне он не свернёт.

Кейдан сглотнул.

Некоторое время они ехали молча. Затем телега едва заметно задрожала, хотя дорога под колёсами была ровной. Дрожь передалась доскам, поднялась по ногам Кейдана и тяжёлым гулом отдалась в груди.

Рорк обернулся.

Из-за дальнего холма один за другим показались умтары — огромные чёрные кабаны с тяжёлыми плечами и загнутыми клыками. На их спинах без сёдел сидели Гархи. Они направляли зверей коленями, держа наготове длинные копья и тяжёлые топоры.

Рорк вскочил на передке и рявкнул соседнему вознице:

— Гони! Не жалей лошадей!

Кнуты защёлкали по всему обозу. Телега подпрыгнула на колдобине, колёса застучали быстрее, лошади вытянули шеи. Повозки рванули по дороге, поднимая за собой густую пыль.

Кейдан вцепился в борт. На первом же ухабе у него лязгнули зубы. Солома вылетала из-под ног, мешки и бочки подпрыгивали вместе с телегой.

Он всё-таки посмотрел вправо. Верты по-прежнему стояли на прежнем месте и наблюдали. Их спокойствие пугало сильнее приближающегося топота.

— Вместе держитесь! — кричал Рорк. — Не разрывайте обоз!

Телега впереди угодила колесом в глубокую выбоину. Её подбросило и развернуло поперёк дороги. Следующий возница рванул вожжи, но уйти не успел: оглобля ударила в борт, дерево треснуло, одна из лошадей встала на дыбы.

Повозки, шедшие следом, начали сворачивать в поле.

— С дороги! Вправо уходи!

— Не стой! Гони!

Кто-то не успел отвернуть и врезался в рассыпавшиеся тюки. Бочка вылетела из телеги и покатилась под ноги лошадям. Возница сорвался с передка, исчезнув в пыли.

Обоз рассыпался. Одни телеги пытались обогнуть завал, другие сталкивались на обочине, третьи мчались прямо по траве. Крики людей смешались с ржанием и треском дерева.

А потом топот заглушил всё.

Умтары налетели на обоз широкой дугой.

Рорк перехватил вожжи и привстал на передке.

— Держись, сынок!

Первый умтар ударил плечом правую лошадь их упряжки. Та рухнула под копыта, дёрнув вторую за собой. Гарх на ходу взмахнул топором и рубанул оставшуюся лошадь по спине.

Телегу резко повело в сторону. Одно колесо оторвалось от земли, передок взметнулся, и Кейдан вместе с тюками полетел к борту. Рорк исчез в поднявшейся пыли. Повозка опрокинулась и придавила Кейдана досками и грузом.

Несколько мгновений он лежал, не понимая, где верх, а где низ. В ушах звенело. Доска прижала плечо, на ногу навалился тяжёлый тюк, отовсюду сыпалась солома.

Кейдан упёрся ладонями в землю, вытащил ногу и пополз из-под скрипящей телеги. Подняться удалось только со второй попытки. Его качнуло, перед глазами поплыли тёмные пятна.

Из пыльного марева прямо на него вылетел умтар.

Гарх заметил Кейдана и сжал коленями бока зверя. Кабан опустил голову, выставляя клыки, и пошёл быстрее.

Кейдан вспомнил голос Рорка: «Смотри на умтара. Подпусти ближе. Прыгай в сторону».

Он видел тяжёлые копыта, клочья пены на чёрной морде и всадника с занесённым копьём. Чувствовал, как земля бьёт в подошвы при каждом шаге зверя.

Нужно было отскочить.

Кейдан приказал себе двигаться, но лишь сильнее вдавил пятки в пыль.

Рорк врезался в Кейдана сбоку, сбил с ног, и они вместе покатились по земле. Умтар пронёсся в одном шаге, обдав их жаром и тяжёлым звериным запахом.

— Поднимайся! Живо, парень!

Рорк схватил Кейдана за ворот и потащил к опрокинутой телеге. Они нырнули под приподнятый край борта, где рассыпавшиеся тюки оставили узкое пространство, и старик прижал ладонь к затылку Кейдана, заставляя пригнуться.

— Тихо. С дороги нас не видно.

Кейдан и сам не мог вымолвить ни слова. Сердце тяжело било в рёбра. Он лежал, вжавшись щекой в пыль, и смотрел в щель между досками.

Бой на дороге стихал. Гархи неторопливо ходили среди разбитых телег и изредка останавливались возле тех, кто ещё шевелился. Один поднял топор. Послышался короткий удар, и по дороге покатилось что-то тёмное.

Кейдан зажмурился. Они рубили головы.

Совсем рядом раздалось мокрое чавканье. За телегой умтар рвал брюхо павшей лошади, хрипел и хрустел костями.

Рорк осторожно выглянул из-под борта. Большая часть Гархов собралась дальше по дороге, возле уцелевших телег.

— Скоро зверь нас учует, — прошептал он. — Надо уходить.

Они поползли вдоль борта, протискиваясь между рассыпанными мешками и обрывками ткани. Рорк двигался первым, а Кейдан повторял за ним, стараясь даже дышать тише.

За следующей телегой билась живая кобыла. Сломанное дышло лежало рядом, одна постромка обмоталась вокруг задней ноги. Увидев людей, лошадь вскинула голову и всхрапнула.

Рорк прижал ладонь к её морде.

— Тише, девочка. Мы тоже отсюда уйти хотим.

Он перерезал постромку, освободил ногу и быстро снял остатки упряжи. Кобыла дрожала, но стояла. Рорк ухватился за гриву и вскочил ей на спину, затем протянул руку Кейдану.

— Давай. Быстрее.

Кейдан ухватился за его запястье. Рорк втянул его на круп, выждал, пока за телегами скроется ближайший Гарх, и послал кобылу в высокую траву.

Они скакали, пригнувшись к лошадиной спине. Кейдан держался за куртку старика и не оглядывался, пока шум разгромленного обоза не остался за низким холмом.

Только тогда Рорк придержал кобылу. Она перешла на шаг, тяжело дыша и раздувая мокрые бока.

— Надо её поберечь. Вдвоём долго не протянет. Загоним — дальше пойдём пешком.

— Мы ушли? — спросил Кейдан.

Молчать он больше не мог.

— Пока нет.

Рорк поправил поводья и прислушался. Кобыла пошла быстрее, но на рысь он её не пустил.

— Гархи не любят упускать добычу. Тем более двоих живых. Как закончат на дороге, пошлют погоню.

Кейдан посмотрел на холмы справа. Среди жёсткой жёлтой травы двигалась одинокая серая фигура.

Верт шёл параллельно им, сохраняя прежнее расстояние. Издали он походил на камень, который вдруг снялся с места.

— Один остался, — заметил Рорк. — Второй, видно, привёл Гархов, а этот теперь ведёт нас.

Он не остановил лошадь. Впереди степь раскрывалась широкой равниной, над самым краем которой висело солнце.

— Пока Верт рядом, от погони не спрячемся.

Слева зашуршала высокая трава. На открытое место вышел серый конь с белой гривой. На передних ногах ещё темнели следы от путы.

— Всё-таки догнал, — сказал Рорк.

Он придержал кобылу и спешился, но иноходец сразу попятился. Тогда на землю соскользнул Кейдан.

Конь дождался его, потянулся к протянутой ладони и ткнулся в неё мокрой мордой. Кейдан провёл рукой по белой гриве, потом осмотрел натёртые ноги. Раны успели подсохнуть, и на ходу иноходец почти не хромал.

— Раз сам нас нашёл, идти сможет, — решил Рорк. — Меня к себе не подпустит, так что садись ты.

Он помог Кейдану забраться на спину коня.

— За гриву держись и ногами его не стискивай. Дорогу он понимает лучше тебя.

Иноходец тронулся мягко, почти не раскачивая всадника. Кобыла пошла рядом.

— Услышишь погоню — уходи вперёд, — сказал Рорк. — Не жди меня и не оглядывайся. Твой конь выносливее нашей кобылы. Может, успеет тебя вынести.

— А ты?

Рорк не ответил. Некоторое время они ехали рядом, и Кейдан всё ждал, что старик заговорит.

На дальнем склоне снова показался Верт. Рорк тоже его увидел.

— Всё ещё за нами.

Топот они услышали раньше, чем увидели погоню. Сначала из-за холмов донёсся глухой раскат, затем задрожала земля. Иноходец под Кейданом вскинул голову и пошёл боком, тревожно храпя.

Рорк обернулся.

— Пора расходиться.

Кейдан хотел возразить, но старик подъехал ближе и крепко взял его за плечо.

— Слушай внимательно. Уходи на восток и гони, пока конь может. Потом пусти шагом, дай ему отдышаться. Держись востока — к утру выйдешь к реке. Там есть деревня.

— Рорк...

— Если серый увяжется за тобой, к дороге не возвращайся. Он приведёт остальных.

— А ты куда?

— На запад. Кобыла устала, меня легче догнать. За лёгкой добычей они и пойдут.

— Нет. Я тебя одного не оставлю.

— Оставишь.

Рорк сказал это спокойно, но рука на плече Кейдана сжалась сильнее.

— Две лошади заставят их выбирать. Пока будут решать, ты уйдёшь.

Кейдан набрал воздуха, однако старик перебил его:

— Не спорь со мной, парень. Хоть один раз сделай, что велено.

Он развернул кобылу на запад, поравнялся с иноходцем и хлопнул его ладонью по крупу.

— Табличку Брика береги! И зелёную ящерицу не пропусти!

Кейдан не успел ответить. Иноходец рванул вперёд, едва не сбросив его. Кейдан прижался к шее коня и вцепился обеими руками в белую гриву.

За спиной тяжело гремела погоня. Сквозь этот гул ещё некоторое время пробивался частый стук копыт старой кобылы, уходившей на запад.

Кейдан всё-таки оглянулся.

На гребне дальнего холма появилась маленькая серая фигура. Верт не последовал за Рорком. Он двигался на восток.

Интерлюдия

Серый Замок

В камине ровно горели поленья. Возле кресел было тепло, но у дальних стен уже лежал холод; там, в сумраке, темнели книжные шкафы и старая карта в тяжёлой раме.

Велмар сидел, вытянув ноги к огню. Рядом с креслом стоял нетронутый бокал вина, перед ним лежала шахматная доска. Он уже несколько минут смотрел на чёрные фигуры, хотя давно понял, что спасти партию не удастся.

Часы над камином глухо пробили четверть. Почти сразу в дверь постучали.

— Войдите.

Тирэн вошёл, поклонился и остановился у свободного кресла. От его плаща пахло дождём.

— Господин.

— Садитесь. Чёрные, кажется, проиграли.

Тирэн сел и мельком взглянул на доску.

— Можно ещё потянуть время.

Велмар взял бокал, подержал в руке и вернул на место.

— Сын Лиэны выжил.

Лицо Тирэна не изменилось, но пальцы, лежавшие на подлокотнике, медленно сжались.

За окнами шёл дождь. Велмар ждал, пока тот заговорит.

— Вы уверены?

— У мальчика раздвоенный шестой палец. Его нашли вскоре после обвала, и все эти годы он жил в Карн-Таре.

Тирэн отвернулся к огню.

— Пятнадцать лет. Всё это время он был рядом с пещерой.

— Перед приездом наших людей гномы отправили его с обозом в Миранис. По дороге на обоз напали Гархи. Мальчика среди погибших нет.

— Значит, он мог уйти.

— Или его увели. В любом случае искать нужно сейчас.

Велмар подался вперёд и поставил бокал на столик.

— Возьмите столько людей и денег, сколько понадобится. Найдите мальчика и привезите сюда.

Тирэн поднял взгляд.

— Живым?

— Целым. Если он откажется ехать, силой не тащите. Поговорите с ним и скажите, что отец ждёт его дома.

Тирэн помолчал.

— Он знает, кто его отец?

— Нет.

— Тогда он может не поверить.

— Сделайте так, чтобы поверил.

Тирэн ещё раз взглянул на шахматную доску и поднялся.

— Я найду его.

Он поклонился и вышел. Дверь закрылась тихо, шаги постепенно стихли в коридоре.

Через несколько минут она открылась снова. Орин вошёл без доклада и остановился возле освободившегося кресла.

— Я встретил Тирэна внизу. Вы поручили ему мальчика?

— Да.

Орин сел, не взглянув на доску.

— Я бы не доверил ему сына Лиэны.

— Он уже однажды вернулся без него. Второй раз не вернётся.

— Это ещё не делает его надёжным.

— Я знаю.

В камине просело полено, рассыпав по решётке красные угли. Орин провёл ладонью по колену.

— Я отправил за ним наблюдателя.

— Хорошо.

Орин коротко поклонился и ушёл.

Велмар дождался, пока за дверью снова станет тихо, затем повернулся к доске. Некоторое время он рассматривал фигуры, взял чёрную ладью и поставил её под удар.

Глава 3. Пустошь

Кейдан прижался к белой гриве и заставил себя смотреть вперёд. Стук копыт старой кобылы давно растворился в грохоте погони, а потом исчез и сам грохот. Остались только ровный бег иноходца, свист ветра и маленькая серая фигура на дальнем гребне.

Рорк велел держаться востока, пока конь может бежать. Там должна была показаться река, а возле неё — деревня. Если добраться туда до темноты, можно будет отдохнуть, узнать дорогу и потом выйти к тракту на Миранис.

Однако Кейдан помнил и другое: пока за тобой идёт серый, к дороге не возвращайся.

На открытом месте иноходец быстро отрывался от верта. Серая фигура то появлялась на холмах, то исчезала в низинах и вскоре пропала совсем.

Кейдан выждал ещё немного. Дорога осталась далеко справа, а без неё он мог пройти мимо реки и деревни. Бурдюк с водой лежал где-то возле разбитой телеги, и провести ночь в степи без воды ему не хотелось.

Он осторожно направил иноходца вправо.

Почти сразу верт появился впереди, на следующем гребне. Каким-то образом он срезал путь через низину и теперь снова шёл параллельно, не приближаясь и не пытаясь напасть.

Кейдан отвернул. Через некоторое время снова потянул вправо, но серый силуэт возник уже ближе к дороге.

На третий раз Кейдан не выдержал, обернулся и крикнул:

— Отстань уже!

Ветер растащил голос над степью. Верт даже не остановился.

Пришлось уходить дальше от тракта. Кейдан всё ещё старался держать восток, хотя дорога теперь оставалась далеко справа и часто исчезала за складками земли. Он сердился на верта, на Брика с его табличкой, на себя за то, что не сумел помочь Рорку. Даже иноходцу досталось, когда тот самовольно забрал немного южнее.

— Нам в другую сторону, дружище.

Конь повёл ухом, но продолжил идти прежним курсом.

Кейдан решил, что позволит ему немного забрать к югу, потом сделает широкую дугу и снова повернёт к востоку. Он слишком часто оглядывался и не сразу заметил, как меняется земля под копытами. Жёлтая трава стала ниже, между стеблями проступили светлые камни. Колючие кусты попадались всё реже, а впереди уже ничего не росло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.